

SNORRI KRISTJANSSON

KIN

СНОРРИ КРИСТЬЯНССОН

РОД

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО: РОМАН ДЕМИДОВ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
К82

Серия «Легенды викингов»

Snorri Kristjansson

KIN

First published in the English language
by Quercus Editions Limited.

Печатается с разрешения издательства
Quercus Editions Limited.

Перевод с английского: *Роман Демидов*

Фотограф: *Анастасия Родина*

Модель: *Сергей Тишков*

Гример: *Маргарита Чеширская*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2018 Snorri Kristjansson

© Роман Демидов, перевод, 2019

© Анастасия Родина, фотография, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается Морэг, научившей меня
ценить детективные романы*

Глава 1

КАРЛ

Она окунула руку в бочку ледяной воды и держала ее там, наблюдая, как встают дыбом волоски на предплечье. Кончики пальцев покалывало, потом ощущение прошло, и ладонь стала казаться куском мяса, трясущимся от безжалостного, обволакивающего холода, — но она все равно не доставала ее, принуждая себя складывать руку горстью так медленно, как только могла. Она глубоко вдохнула и взглянула на свое изломанное отражение. На нее смотрела юная девушка, чьи решительно прищуренные глаза, высокие скулы и стиснутые зубы делали ее похожей на хищную птицу.

— Хельга!

Она выдохнула и плеснула холодной водой себе на лицо.

— Иду!

Она свернула за угол овчарни, и перед ней распахнулась земля. Сквозь верхушки деревьев можно было увидеть длинный дом у самой реки. Старый коровник едва проглядывал, а остальные постройки были скрыты стволами. Ниже по течению реки

ее взгляду открылась долина Рен, где темная кора и сочная зелень лесов сменялась лоскутами кропотливо расчищенной земли. Как-то поздним вечером, когда в нем заговорил эль, ее отец заявил, что правит всем, что может видеть. Кто-то, может, и возразил бы, что никакого права на долину у него не было, но она еще не встречала человека, который, увидев Уннтора Регинссона сидящим в своем высоком кресле с топором и луком под рукой, захотел бы с ним спорить.

— Ты закончила? — послышался голос Эйнара. Она представила, как он стоит у подножья холма, рядом с боковыми воротами. Двадцать пять зим от роду, а лицо все равно мальчишеское. Хельга понимала, что он должен был измениться за одиннадцать зим, прошедших с того дня, как она поселилась на хуторе вместе с Уннтором и Хильдигуннюр, но казалось, что это не так. Она помнила, как он проносился мимо нее, гоняясь за Уннторовой дочкой, чтобы обрызгать ее водой. И пусть Эйнар не гонялся за девочками с тех пор, как Йорунн уехала выходить замуж, для Хельги он всегда будет тем же мальчишкой. Она улыбнулась своим мыслям.

— Да! — крикнула она в ответ. Сено сложено, тропа для овец расчищена. В овчарню их погонят где-то через месяц, но чем дальше откладываешь дела, тем больше ковыряться потом. *Решай проблемы споро и исправно.* Так ее учила мать.

Она сбегала вниз по тропинке от новой овчарни, глотая воздух, в котором еще чувствовалась прохлада ночи. Над ней возвышались мощные стволы. Зимой они защищали ее от ветров, приходивших в

долину с юго-востока, сейчас — прятали от утреннего солнца в приятном теньке. Когда склон перешел в ровную землю, Хельга увидела внизу своего названного брата, шедшего к воротам.

— Не смей проверять мою работу, Эйнар Яксон, — пробормотала она себе под нос, и он, видимо, услышал, потому что остановился и смотрел на нее, терпеливо дожидаясь. Похоже, придумывал, что бы такого ехидного сказать. Хельга улыбнулась. Он постоянно пытался выйти победителем из их словесных схваток, но пока что ему не удавалось. Пусть она и не была родной дочерью Хильдигуннюр, но зато быстро училась, а от острого языка приемной матери ей доставалось частенько.

Когда она показалась из-за деревьев, Эйнар все так же ждал, с плеча его свисал моток веревки.

— Ты чего так долго? Решила сеном перекусить?

— Девушки сена не едят, Эйнар, — парировала Хельга. — А у тебя, видать, нынче кобыла в невестах ходит.

Как только она подошла поближе, он шлепнул ее веревкой.

— Ты ведьма, — сказал он.

— Вот уж нет, — ответила она. — Была б я ведьмой, превратила бы тебя в кого покрасивше.

— Пфф, — сказал Эйнар и ухмыльнулся.

Его отец, Яки, широкоплечий и седовласый, вышел из дома и крикнул:

— Поторапливайтесь, вы двое, — они все сегодня приедут!

Эйнар закатил глаза.

— Хорошо, папа, — прокричал он в ответ и повернулся к Хельге. — Пойдем, надо в старом коровнике прибрататься.

— Зачем? — спросила Хельга, не двигаясь с места.

— Вроде бы Бьёрн со своими там будет жить.

— Это чтобы братьев вместе не селить?

— Ага, — сказал Эйнар. — Почему, думаешь, здоровяк отправился на восток, а Карл на юг? Они, видать, дрались каждый день — Карл снова и снова колошматил братьев, пока Бьёрн не окреп и не остановил его. Хильдигуннюр в тот год изрядно наловчилась раны залечивать.

— Веселое времечко нас ждет, да? — она вздохнула.

Эйнар пожал плечами и оттолкнулся от забора.

— Все будет хорошо, — сказал он, удаляясь. — Уверен, старики удержат их в узде.

Старый коровник едва уловимо пах животными и сеном. Солнечные лучи просачивались в щели между покوروبившимися стенными досками, но большую часть хлева окутывал бледный свет на грани заката и сумерек, и только яркий конус, бивший сквозь распахнутую дверь, освещал скелет когда-то полезной постройки, захламленной всяческими хозяйственными орудиями, деревяшками и хламом. В одном углу, рядом со сломанными удочками и невыделанными кожами на старых покореженных растяжках, была навалена груда досок высотой в человеческий рост. В другом углу стоял покрытый рунами каменный столб, почти полностью скрытый в тени.

— Такой маленький,— сказала Хельга.

— У них тогда всего четыре коровы было... Хильдигуннюр уж сколько лет твердит Уннтору что-нибудь с ним сделать, но всегда находятся дела поважнее,— сказал Эйнар.— Они не могут решить, снести его или переделать во что-то другое.

— Не помню, была ли я здесь когда-нибудь,— проговорила Хельга, с любопытством оглядываясь вокруг.— Кузня — логово твоего отца, а это место всегда казалось принадлежащим Уннтору.— Она пнула кусок дерева, отскочивший в угол.— Так что нам нужно сделать?

— Ну, для начала вынести все это наружу — нужно расчистить пол, чтобы соорудить кровати для Бьёрна с семьей...

— Что? Зачем?..— Хельга выглядела крайне недовольной.

— Так легенды не сильно врут, знаешь ли. Он к двенадцатой зиме в обычные постели не влезал. А юный Вёлунд весь в отца,— Эйнар на мгновение задумался.— Ах да, ты же с ними не встречалась, да?

— Нет,— сказала Хельга.— Ни с Бьёрном, ни с Карлом. Они вроде бы должны были приехать пять лет назад...

— ...но Карла не было дома, а у Бьёрна семья заболела. Помню. Аслака ты, конечно, знаешь.

— Как его забудешь? Прибыл в гости с двумя детишками и женой-драконицей. Она тоже приедет?

— Боюсь, что да,— сказал Эйнар.

Хельга содрогнулась:

— Я лучше с бешеным медведем повстречаюсь.

— Понимаю тебя,— сказал Эйна́р.

— А еще есть Йору́нн и Сигма́р. Ее я, кажется, помню, а вот его не видела.

— Нет,— сказал Эйна́р, занявшись треснувшей балкой и внезапно утратив интерес к разговору.

Хельга схватила лопату со сломанным черенком:

— Я такую даже не помню.

— Старье,— сказал Эйна́р, убирая с дороги плуг с одной рукояткой.— Уннто́р давненько собирается все это починить, но знаешь, что я думаю?

— Ты думаешь? — спросила Хельга с притворным изумлением.

— Язык придержи,— сказал Эйна́р, выволакивая старый плуг за дверь. Когда он вернулся назад, его лицо светилось озорством.— Я думаю, старик просто счастлив, оттого что с хутором все хорошо, и *позволяет* себе владеть сломанными вещами — так что он бросает их там, где они сломались, а отец сваливает их сюда,— он обвел барахло взглядом.— Вот она, сокровищница отважного воина.

— Ха,— сказала Хельга.— В это мне трудно поверить.— Она подумала об Уннто́ре, своем приемном отце, о том, как, понукаемый женой, он принял ее в семью одиннадцать зим назад, когда почти все их дети покинули хутор. Представить, как он разбазаривает с трудом заработанные богатства, было почти невозможно. В свое время ходили слухи, что он вернулся после набегов на запад с добычей всем на зависть, но старый медведь всегда это отрицал. Верный Яки помогал ему отгонять большинство пришедших поживиться. Остальных хоронили

сразу за западной оградой. В конце концов об этом узнали, и местные, видя, как тяжело работает Уннтор на своей земле, решили, что слухи были всего лишь слухами, сказочками у костра, так что те, кто искал быстрого и легкого богатства, вскоре разбрелись по другим местам.

— В это мне трудно поверить,— повторила Хельга и с усмешкой добавила: — Хильдигуннюр ему так этого не оставит!

— Может быть,— сказал Эйнар,— но она так долго жила со старым медведем... Сдается мне, она знает, когда надо драться, а когда посмотреть в другую сторону. В упрямстве эти двое друг друга стоят.

— Наверное, поэтому они до сих пор женаты,— сказала Хельга, сдвигая с места пару сломанных кузнечных молотов.— Со временем про мою мать сложат «Сказание об укрощении Уннтора».

— И хорошая ведь будет история. Как и Уннторово «Соблазнение Хильдигуннюр». Мне до сих пор нравится, хоть я и слышал его не меньше раз, чем прожил лет.

— То есть сколько, раз двенадцать?

Эйнар скорчил ей рожу и нагнулся, чтобы ухватиться за большой треснувший жернов:

— Уннтор Регинссон отправился искать себе жену. Он возжелал Хильдигуннюр, но отец ее, старый Хейдрек, был наполовину троллем...

Хельга с трудом отодвинула с дороги кучу досок.

— Всего наполовину? Старики, наверное, только начали пить, когда в последний раз это тебе рассказывали. Я-то думала, он был...

— Девять футов высотой, провалиться мне на этом месте. И зубы себе затачивал, поганец, — раздался у входа хриплый голос: Уннтор с Речного хутора, вождь долины Рен и владыка всего, что видел, загородил собой почти весь свет. Плечи его едва не касались обеих сторон дверного проема, седых волос еще хватало, чтобы заплетать косу, а аккуратно подстриженная борода была густой. В шестьдесят два года он все еще производил внушительное впечатление. — И медведей убивал для потехи.

— А ты подошел к нему, — сказала Хельга.

— И врезал ему по голове бедренной костью быка, — продолжил Эйнар.

— Не совсем так, — сказал старик. — Я открыл было рот, чтобы поговорить, а он врезал мне — отбросил на четыре шага и хорошенько так вывернул челюсть. Вот тогда я огрел его костью, и он свалился. А когда опомнился, я спросил, позволит ли он мне жениться на его дочери, — и он тоже принялся перетаскивать хлам к двери.

Эйнар улыбнулся:

— А он сказал...

— А мерзкий старый троль расхохотался и сказал: «Да пожалуйста. Она бьет больше, чем я». И он не соврал, — закончил Уннтор. — Нет, вот это не трогай.

Эйнар остановился, так и не коснувшись каменного столба.

— Почему?

— Сдвинешь — беда будет. Он тут стоит с того дня, как мы здесь поселились. Боги прогневаются, — добавил он. — Оставь на месте.

Эйнар пожал плечами и пошел к груде досок.

— Беритесь-ка вы за кровати для Бьёрна и Тири... да, и для малыша Вёлунда тоже,— сказал Уннтор.— Доски сложите там,— добавил он и показал на угол коровника, который был дальше всего от двери.

— Малышу Вёлунду уже двенадцать зим,— сказала Хельга,— и он давно уже не малыш, как мама говорит.

Уннтор фыркнул и отмахнулся от нее:

— Если я сказал, что он малыш, значит, он малыш,— заявил он.— Эйнар, принеси батины снасти. Кровати сколотим там, где ты стоишь.

Эйнар кивнул, бросил доски на землю и вышел. Все прочие обломки сельской жизни, хранившиеся в старом коровнике, теперь были аккуратно сложены у забора, и в опустевшей постройке воцарилась тишина.

— Моя плоть и кровь едет за мной, Хельга,— тихо сказал Уннтор.

— Папа, ты о чем?

Старик повернулся и взглянул на нее. В полумраке он казался очень усталым.

— Моя плоть и кровь,— повторил он,— с тьмой в сердце. Я видел во сне.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но звяканье металла о металл возвестило о приближении Эйнара. Уннтор тоже его услышал, и в мгновение ока утомленный старик исчез, а вместо него появился грозный вождь.

Хотя стояла жара, волосы на руках у Хельги поднялись дыбом.